Mabryera. 1985 года

ТЕЛЕЭКРАНА

Монологи молочника Тевье

В повести «Тевье-молочник», созданной Шолом-Алейхемом в конце XIX—начале XX ве-ка, это девять писем, которые нашет ее главный герой писателю. На телеэкране они превратились в девять монологов Тевье, незабываемо сыгранных Михаилом Ульяновым. Монологи прослаиваются диалога-ми Тевье с женой, дочерьмы,

богатеями-покупателями... Образ Тевье из тех в ми-ровой классической литературе, которые, впитав в себя особенности социальной среды и исторического времени, их породивших, не исчерпываются ими, а несут еще и огромное богатство таких переживаний, радостей, горестей, страстей испоремения исторительного ими переживаний исторительного и исторительного и пережими исторительного исторительног страстей человеческих, KOTOрые близки людям разных на-

родов и эпох. Страстный почитатель театего пристрастный критик А. Кугель как-то воскликнул: «Театральное искусство есть самое человеческое из MCкусств, и в этом вся его кра-сота!.. В то время как прочие искусства имеют дело с миискусства имеют ром вообще... театральное искусство имеет дело только с человеком, ибо сама форма этого искусства, орудие его, инструмент есть человек, то есть актерь

есть актер». С категоричностью этого утверждения в чем-то можно и поспорить, но ведь как ни суни ряди, сколько ни объ-яй значение режиссера, ясняй значение режиссера, кудожника и всех, кто причимает участие в создании спектакля, а все же оживает он лишь тогда, когда на сцену выходит актер. А порой ему и сцены не надо со всем ее красочным оформлением. Актер даже в пустом пространстве—это уже театр. ясняй

Актер даже в пустом про-странстве—это уже театр. И Ульянов, как говорили когда-то, купается в роли, ко-торая льется у него, перели-вается, сверкает всеми красками жизни. Его героя «броса-ет в жар и холод, швыряет вверх и вниз» и уж совсем, пригнуло, прижало, кажется, а он, глядь, вновь распрямил-ся, полон оптимизма, да еще иронизирует над напастями,

и иронизирует над напастями, а заодно и над самим собой. Нелегка судьба Тевье-мо-лочника из Касриловки. Что такое богатство и что такое бедность и как себя чувству-

ет нищий у порога доми «миллионщика», Тевье попробовал и на вкус, и на ощупь. Казалось бы, каким боком отразится время в окошках хаты Тевье, а ведь не только отразилось, но и потрясло ко отразилось, но и потрясло ее до основания. Дочерей расшвыряет: кого в пленницы богатенькому подлецу, кого в ссылку вместе с мужем-революционером, кого в омут головой... А самого Тевье поманило химерой шальных денег, «акций-шмакций», да так шмякнуло, что только слезы брызнули. брызнули.

Тевье, хотя и говорит: «Так уж господь бог создал свой мир, так тому и быть — ничего не попишешы» — однако «пишет» и в буквальном смысле слова, и в переносном, когда сетует, философствует и насмешничает, ибо не принимает этого мира в том виде, как он «предложен» ему. И как все естественно у актера: только что обманутый,

тера: только что обманутый, поверженный, с поднятыми руками, словно сдающийся на милость жестокого победи-теля, его Тевье уже снова деловит, клопотлив, восхищен и, не теряя своего человече-ского достоинства, так и сы-плет присловьями, которые пригоршнями зачерпывает талмуда и библии, украинско-го и русского фольклора, а це чаще сам сочиняет. Ульянов великолепно ощу-

щает природу народного юмо-ра образа Тевье, при этом не теряя то чувство меры, которое не позволяет пре-вратиться иной комедийной сцене в этакий развеселый эстрадный номер. Смех сквозь слезы и слезы сквозь смех. И глубочайшая трагедия человека, когда он проклинает сладенько-циничного богатея, эту «поганую собаку», или засты-вает потрясенный над погиб-шей дочерью, или бунтует вает потрясенный над погио-шей дочерью, или бунтует против «всемогущего», кото-рый в лице жандарма его им-ператорского величества при-казывает старику Тевье немед-ленно распродать все его не-хитрое имущество и выехать в черту оседлости.

Постановка режиссера Евлахишвили не отлича отличается стилистическим единством, но ее успех выигран уже тем, что все пространство телекадра все пространство телекадра почти непрерывно отдается главному герою. И как бы правдиво и сценически остро ни исполнялись роли Г. Волчек, Б. Ивановым, Ю. Катиным-Ярцевым и другими актерами, все они, не теряя, впрочем, самостоятельности, как бы подыгрывают Тевье—Ульянову, как оркестр солиульянову, как оркестр солирующему музыканту, который ведет тут партию ∢самого человеческого». ∢И в этом,— еще раз повторю слова старого критика,— вся его крарого

Георгий КАПРАЛОВ.